

Режиссер Рабей, конечно, большой чудаки — сидит в своем медвежьем черемушкинском углу и годами репетирует каждый спектакль. А после «прокатывает» его, не сходя с этого же места. Хотя при его творческом размахе, артистизме, точном глазе, остроумии, умении зацепить болельщиков струны времени да еще организовать это все в яркое эффектное зрелище, он, вероятно, мог бы собирать и тысячные залы, столь велика сегодня потребность в талантах именно такого рода. Однако же этот молодой и, конечно, не лишенный тщеславия режиссер не торопится на отечественный Бродвей, не спешит выходить «в люди». То ли наш шоу-бизнес слишком жидковат, то ли его вовсе не занимают ни шоу, ни бизнес, то ли в самом деле странная субстанция, которую восторженные интуиты зовут загадочной российской душой, нуждается и в зрелищах какого-то особого свойства.

В последней премьере «Мастерской» с игривым, на французский манер, названием «Марьяж де Бальзаминофф», в котором даже неискушенному театралу легко опознать родную «Женитьбу Бальзаминова», присутствуют все черты разудалого национального мюзикла: оригинальные музыка, стихи, хореография, лихие песни и пляски, остроумные декорации (смысловым центром которых является сакраментальный российский забор как нерушимый оплот государственности и символ недостижимой мечты), иронично «богатые» (вплоть до парчовых купеческих портянок) костюмы.

Это не просто спектакль с музыкой, он внутренне музыкален, пластичен, его ритм завораживает. Яркое, красочное зрелище разворачивается как дорогая шаль в руках умелой танцовщицы — то преподносит пестрый букет игривых песенок и танцев, то рассыпается каскадом комедийных трюков, то блеснет неожиданной пародией, то вдруг сложится в трагические складки — и снова понеслось, завертелось в безудержном вихре российской неразберихи. Здесь все дышит юмором, иронией, а то и сарказмом: это режиссер Рабей во всей постановочной красе предъявляет нам нашу нелепую действительность, которая с патриархальных времен Острожского мало в чем изменилась.

И как-то само собой, по мере «вынужденного» и не очень радостного узнавания, перестаешь воспринимать происходящее как чистое развлечение. И знакомая история о том, как замоскворецкий Иванушка-дурачок за счастьем ходил, уже не кажется такой уморительно забавной. Конечно, убогая жизнь порождает и убогие мечты о лучшей жизни. Но когда они, не пришедши Господа, сбываются, и наше

Борис Рабей оф-оф Бродвей

Москва Центральная — Новые Черемушки: редкий критик добредет и до середины означенного маршрута, туда, где в стороне от столбовой дороги развития театрального искусства расположился маленький театр Бориса Рабея под скромным названием «Мастерская». Но эта поездка стоит потраченных усилий, потому что окраинная «Мастерская» неожиданно дарит атмосферу подлинного Театра.

Убогое счастье катит навстречу во всей своей неприметности, оказывается, что главным то был не вожделенный предмет, а сама возможность мечтать и надеяться... Так что же вернее всего губит людей, как не их собственные сбиившиеся надежды? — спрашивает нас режиссер. Но, с другой стороны, чем, кроме надежды, жив человек?

То, что обещало быть милой и остроумной музыкальной вещичкой в русском национальном стиле, оказалось, при всей своей воздушной легкости, спектаклем, полным серьезных и отнюдь не легких размышлений. Может, оттого и сидит до сих пор Борис Рабей в своих Черемушках, что даже при постановке такой, казалось бы, вполне коммерческой вещи, как мюзикл (тут тебе и бизнес, и шоу), его обязательно «заносит» в сторону пресловутых «проклятых вопросов». А кому сегодня все это нужно?

Похоже, что мы сами с каждым днем все больше уподобляемся своеобразному народному хору из «Женитьбы Бальзаминова». Эта клокошущая агрессивная уличка, не толпа, а скорее группа лиц выталкивает из себя отдельных персонажей, чтобы потом снова поглотить их, она плотно наблюдает за полетом бальзаминовской мечты, ожидая, когда же ее полное воплощение швырнет романтического дурня на землю посреди все той же самой улицы. Такой вот естественный жизненный цикл.

Улицы, заборы, жалкое существование, убогие мечты — Рабея можно было бы считать заятым пессимистом, если бы не удивительно светлая интонация всех его спектаклей. Он растит стихи из сора, черпает свое вдохновение со дна жизни, берет ситуации, запредельные для человеческого духа, и показывает, что и в та-

ких условиях может быть жив человек. Здесь, как в толще океана, страшное давление сплюсчивает, деформирует привычные черты, нарушает пропорции, но и здесь есть жизнь, есть особая красота.

Несколько лет назад Борис Рабей выпустил спектакль «Песни XX века» по трем одноактным пьесам Л. Петрушевской. Это был скромный по постановочным средствам драматический спектакль, ничем не напоминающий пиршество красок и звуков «Женитьбы Бальзаминова». Но в Александре Т. блистательно исполненном Николаем Шатохиным, уже угадывались черты ее будущего главного героя. Одиноким, загнанным парнишкой с головой, забитой Бог знает каким мусором, сидел в пустом, снятом у «хозяйки-бабушки» углу и от нечего делать бубнил в магнитофон. Обрывки песен, спортивных передач, писем в редакцию, служебных канцеляристов, перемешиваясь с реальными фактами из жизни Александра Т. и чудовищными несуразностями его воображаемой «роскошной» жизни, складывались постепенно в картину такого ошеломляющего, ничем не скрашенного одиночества, такого отчаянного желания теплоты, любви и счастья, что нелепая фигура этого косноязычного человечка поднималась до высот трагедии.

Герои «Песен XX века», персонажи спектакля «Ноги вверх, господа!» по произведениям Н. Тэффи, образы, населяющие «Женитьбу Бальзаминова», встретившись в авторском театре Бориса Рабея, оказались братьями по несчастью, убогости, одиночеству. Но, что гораздо важнее, — по жизненной боли, упорному сопротивлению небытию. Помните, у Булгакова: «Не били вас сагогом? Били. Кириком по ребрам получали? Кушано достаточно. Все испытал, с судьбой своей мирюсь и, если плачу сейчас, то только от физической боли и холода. Потому что дух мой еще не утас... Живуч сабачий дух».

Может быть, живучесть нашего битого-перебитого духа и в самом деле главный источник оптимистического взгляда на будущее, столь присущего Борису Рабею. А пока мне хочется поделиться оптимистическим ощущением от творчества этого молодого режиссера, который вдали от соблазнов «большого города» занимается тем, что считает для себя необходимым, и умеет отделять требования времени от конъюнктуры рынка.

В конце концов центр — понятие не только географическое, но и культурное. Центр там, где создают настоящее искусство. А Бродвей — это та дорога, которой зрители идут в свой любимый театр.

Екатерина ТРУСНОВА.